

Алексей КОНДРАТЕНКО

ГРАФСКАЯ ГАТЬ

В каждом селе есть особое, приметное место. В этом – Графская гать, хранящая память о былом полновластном хозяине и его могучем плане прокладки дороги для карет через болотистую низину. О графе почти не вспоминают, годы идут своим чередом. И только в иную минуту человек задумывается о прошлом, о том, почему жизнь такова, какова она есть.

Эти записи, заметки городского человека сделаны в недавние годы и являются лишь штрихами, набросками, не претендующими на объективность и завершенность картины современной деревни.

1989

На фундаменте графского дома уже давно построено общежитие «для малосемейных». На пыльных окнах нет занавесок, при свете голых лампочек в комнатах видны такие же голые стены.

Кругом сараи, курятники... Детская площадка изуродована. В парке кучи ржавой рухляди, тряпок, полиэтилена, другого мусора. Прекрасная усадьба загажена в прямом и переносном смысле (и людьми, и курятниками).

Парни вечером на завалинке о чем-то беспечно разговаривают. Вдруг прислушиваюсь: идет разговор о том, как когда-то крали сено в колхозе... Страшная погоня по проселкам. Уходили от «ментов». Да стоило ли того это сено? Но чем еще заняться местным парням? Да и сельским сыщикам без азарта не обойтись... Почему-то вспомнились ковбои, шерифы...

Разбирая старые бумаги, нашел тетрадный лист в клеточку с угловым штампом местного сельсовета. На раздрызганной машинке напечатан текст: «Сим удостоверяется, что (ф.и.о.) перевозит навоз из приусадебного хозяйства своей матери». Подписано председателем, проставлена дата, оттиснута печать сельсовета.

Случайно попал в соседнюю деревню, расположенную за лесом. Заросшие улочки. Краснокирпичный сарай – когда-то здесь жил зажиточный человек – кругом были его сады. Теперь здесь подворье арендаторов (символично?). Все в запустении. Бурьян выше осевших хат, у

окон и дверей, за плетнями во дворах. Оставшиеся люди не общаются друг с другом. Разобрали дом – стоит только печь с трубой. Пересохший колодец с цепью без ведра.

Когда-то в деревне было 80 дворов. Теперь 9. Беседа с древней старушкой, которая так и не назвала своего имени.

«Хлеб привозят раз в неделю на лошади. А то привезут один белый по 32 копейки, он на третий день плесневеет... Булок никогда не привозят – только тройчатку. Зять привозит хорошие... Тихо тут, спокойно, утром встанешь – тишина. Кругом сады, все-все белое. Просидишь целый день и человека не увидишь. Телефона нет... После дождя тут такая колевань, что от дома не пройдешь. Дождь-то будет сегодня – голова болит с утра и ноги. Тишина стоит».

История Сконникова. Был художником на заводе, многое оформил в русском стиле. Не складывалась семейная жизнь у сына: родители решили оставить его семье квартиру и уехать. Побросали шмотки на старый «Москвич» и поехали куда глаза глядят. В этой деревне когда-то жили друзья. Тут и купили избу за 450 рублей – деньги выплатили в два приема.

Устроился в лесничество: по уши в масле и грязи. Жене негде работать. Теща-старушка кое-как отошла от потрясения. Местный люд отнесится к ним с подозрением: «С чего же сбежали из города? Нечисто тут». Пересуды, споры – они и сейчас обижаются, если Сконников показывает приезжим из города, своим приятелям грибные места в лесу. А ему эти обиды в диковинку: леса-то огромные, безлюдные вовсе.

Директор совхоза решил у них 15 соток огорода обрезать. Абсурд, казалось бы, – деревня сплошь бурьяном заросла. Вызывали в суд, в прокуратуру. Случайно об этом деле узнал знакомый адвокат, а у него приятель в районе работает. Позвонил ему, тот директору – все уладилось, успокоился неугомонный. Благо скоро на его место пришел новый – дал в аренду десять бычков, списанный трактор. Жизнь вроде бы начала налаживаться, хотя трудно.

Сын в кооперативе, мастеровит в отца, иногда с друзьями приезжает по субботам. А внучка проводит в деревне все лето. Сконников и тут занялся резьбой по дереву. Правда, его изобретенное им замысловатое приспособление для резьбы присвоило себе РСУ (ремстройуправление) в областном городе.

А на новом месте он отделал красный уголок, еще что-то. Местные удивляются. Лесничество строило два дома в совхозе, так Сконников не просто топориком стучал, а украсил дома резьбой. Директор, недолго думая, заключил: «Я этого не просил, это не по договору, а значит, пусть лесничество и платит». Вот и вся оценка труда.

О знаменитом Николайчике. Он был председателем колхоза в послевоенные годы. До этого руководил «присланный», но, как вспоминают, «убег куда-то». Предлагали местным – отказывались под разными предлогами, например, завхоз сослался на возраст. А тут Николайчик с фронта вернулся – выбрали его. Система организации производства у него вроде бы была проста: свалил колхозник свой ряд на покосе – получи граненый стакан холодной водки. Или, если нужно что сделать, председатель спрашивал работяг: «Ну что, бездельники, возьметесь?» Обычной оплатой была бутылка на двоих. Ящики с водкой привозил из района сам, на председательской машине, неизвестно, по какой статье проводил расходы... Пили тут же. Если кто швырял пустую бутылку, мог и пощечину отвесить: «Деньги бросаешь?!»

Бывало, едет куда, в три часа ночи стучит в окошко к звеньевой: «Катя, я уезжаю, вся надежда на тебя – бригадир–то пьяница». Система, несмотря на все издержки, действовала четко: колхоз стал при Николайчике миллионером. Иные ходили втроем за зарплатой с мешком – в старых деньгах получалось по 7 – 8 тысяч в месяц.

А еще любил пуще всего на свете концерты самодеятельности, сам был на сцене и пел впереди своего хора. Представляю, как веселились во время его бенефисов колхозные молодайки и как краснели застенчивые.

Это был настоящий деревенский демон, который умел ладить с районным начальством (сеял больше конопли, списывая малый урожай невыгодной кукурузы на все мыслимые причины). Итак, ладил он с верхами, а главное - знал, как карябать и растравливать душу простолюдину. Талант редкостный!

Николайчик погиб в автокатастрофе. В народе говорят, что ехал он на легковушке вдвоем с дамой сердца, да еще подвыпивши. А навстречу на скорости пылит тракторист – тоже под хмельком. Николайчик в сердцах высунулся: «Куда прешь!» Тракториста (с испуга?) повело, трактор задел высунувшегося председателя...

Без него колхоз скоро захирел. Но с тех пор деревенский мужик без бутылки - ни ногой, старики поминают Николайчика только добрым словом. Довелось слышать и такое мнение: «Николайчик воспитал целый класс куркулей, которые живут по его принципам, невзирая на все перемены за эти годы»...

Возвращаясь к Николайчику. Крестьянство – рой, и председатель любил этот рой, досконально знал его и управлял на всю катушку. Много ли таких знатоков нынче? Кто размышляет на селе о крестьянском рое и его особенностях? Без этого не понять ни отношения крестьян к помещикам, ни отходничества, ни грабежа усадеб, ни раскулачивания, ни колхозов, ни сельского пьянства.

1990

Ехал по деревне в телеге: Боже, какие враждебные взгляды, испытующие, завистливые. Кто едет? С кем? Куда? Что везет? Где взял и т.д. Деревня постарела, она больна старушечьим раздражением, завистью, взгляд ее тяжел, невыносим. Если вдуматься, в деревне огромное преобладание стариков (при отсутствии внуков). Умрет старое поколение – закроются хаты-развалюхи (а они в большинстве таковы). Будут какие-то перемены на селе. Какие? Если молодежи, детей не прибавится, то будет то же самое – только в меньшей массе жителей. Средние деревни станут малыми... Фермер не как экономическая категория, а как психологическая.

Свой – круговая порука – основа крестьянского мира. Но то был действительно мир с его жесточайшим обычаем и верой в Бога. А нынче – раздрай, чем-то напоминающий армейскую дедовщину.

Нелепые смерти. Парни глушили рыбу в ручье, забросив обруч с бочки, на который прицепили провода со столба. Один оступился, упал в воду лицом, и его моментально сразило током. 17 лет – нелепая смерть. Нелепая еще и оттого, что дружки не бросились отсоединить провода, вытащить приятеля из воды. Они убежали... Все открылось только спустя несколько часов.

Другой случай. Пил ежедневно, есть было нечего. Умер, как говорят в деревне, от истощения сердца.

Еще один пропаций – поверил гадалке, предсказавшей смерть в определенный день. Со всеми накануне попрощался. Наступил роковой день. Ничего не случилось. На радостях выпил и... повесился.

1991

Деревенская улица не может быть прямой. У каждой извилины и колдобины своя причина: то топкое место, то дерево разрослось.

Забастовка молочника. Но не того, что, как лондонский, оставляет молоко у порога. Этот отвозит на сепаратор. Получает зарплату втрое больше, чем у обычного горожанина. И забастовал. Получил еще половину. И на радостях снова... забастовал. Теперь его запои называют забастовками. Демократия пришла в деревню.

Меняли-меняли зерно на лес, а доски ушли на дачи начальству. И гроб делали, сдирая доски со столярной мастерской. Так и стоит с дырами теперь...

Рассказ сторожа о том, как по весне сторожил колхозную рассадку. К ночи пришел пьяный сосед набрать себе рассадки для огорода, без спросу начал топтаться сапогами прямо по росткам. Сторож ему: ты бы мне сразу сказал, да и взял бы спокойно с краю. А пьяному море по колено – стал топтать назло. Наутро сторож доложил начальству о причине порчи. Как пьянка, так сосед вспоминает об обиде и клянется сапожникам, что при подходящем случае расплатится со сторожем ножом.

Деревенское предание о колдунье, которая по ночам выдаивала коров. Если и мог кто ее поймать, так это родившийся первым или последним в семье. На святки мужики собрались играть в карты. Что-то их насторожило. Кузнец говорит хозяину: «Ты – первый, а я – последний. Айда!» Во дворе увидели лошадь и взялись ее подковать. А на следующий день все узнали, что умирает женщина, она и звала кузнеца. Когда он пришел, показала ему обкромсанные пальцы: «Вот что ты мне сделал». Мучилась три или четыре дня, пока мужики не догадались отдрать доски в чулане, – тут она и отошла.

Петров день. Хозяева углядели, чтобы парни не набедокурили, не растащили бревна, сложенные под окном. Спустя две недели в раскатуху пьяный тракторист на своем гусеничном разворотил бревна аккурат поперек дороги, а заодно снес заборы у двух старух. Пьяный тракторист, который пьет и пьет и уже совсем ничего не понимает, но все равно пьет.

Молодые парни ершатся-петушатся, проходя мимо прижухших, мерзнущих на осеннем утреннике мужиков. А годы пройдут...

Мужик, который корячится на обледенелом узеньком мосточке, замечает встречного и матерится: «Х... иди! Доски под наклоном, б...» Сосед, как положено, сочувствует: «Да, уж лучше по льду перейти». И никто не додумался, что надо сделать перила.

1992

В автобусе. Дачники тяпками портят друг другу одежду. Холодная рыба и селедки липнут к кому-то. Ругачка. Мужики могут перетыкиваться чуть не до драки, потом отходят от запала, начинают болтать друг с дружкой как старые приятели. А подвыпившие по-своему кокетничают с измочаленными попутчицами.

Автобус то ли идет, то ли нет. Народ уже час смиренно ждет. Вокзальный репродуктор в райцентре квакает, что на заправке нет тока, сливают бензин из грузовиков в автобус. И так, мы, кажется, начинаем понимать, почему мы такие.

Но вот приехал, подходишь к ветхому мосточку через ручей, слышишь его приглушенное шепотом листвы журчание – и будто вся дорога исчезла, забылась. А в предвесенье заслушиваешься тем, как по-новому шумит ветер в ветвях. То ли в прутиках после зимы больше гибкости, то ли в воздухе влага – звук как будто становится объемным.

Приезжие хохлы по найму сторожат зерно на току. Своим доверять это дело, судя по всему, бесполезно.

1993

Шурик на вид подросток, старающийся выглядеть мужиком. Его уже давно заждались – надо скорее объезжать кобылу-

двухлетку, которая всю зиму простояла в сарае.

И вот в начале марта, когда снег начал покрываться весенней коркой, Шурик нагрянул верхом на седеющей покорной лошадке. Изрядно выпивший: «А трезвый я за это дело не берусь».

Солдатские штаны и сапоги, обычная телогрейка. Лицо детское, но со шрамами, и глаза уже помутила водка. Матерится не уставая, наверное, чтобы выглядеть взрослым.

Зыркнул на меня, не сообразив, как держаться. Э-э, да это я тебя принял за хмельного пацана, когда ты с дружком хватал меня за руку: «Куда, к кому идешь? Дай закурить». Я тогда огрызнулся и зашагал дальше – не до разговоров было...

И вот рождается во мне какое-то чувство иронии (по правде сказать, застань я его где-нибудь в укромном месте, отвесил бы затрещин на долгую память). Спрашиваю у деда: сколько же ему лет?

– Да лет двадцать.

– А родители кто?

– Да мать то ли умерла, то ли бросила их. Отец - пьяница. Ну, он все у деда на печи рос... Всех колхозных лошадей изувечил ночами. Ну да кто ж, кроме него, возьмется объезжать?

Бабка потом добавила, что младшего его брата недавно посадили за кражу. А сам он вроде был поначалу скотником. Потом женился где-то на Украине на женщине с пятью детьми (последний как будто бы уже от него). И вот наездами бывает в деревне – отпуск не отпуск...

А Шурик во время нашего разговора трюхает по снегу в огороде, придвинувшись ближе к шее лошади. Кобылка оказалась смирной, упрекнуть ее можно только за незнание и неученость. Но наш наездник матерится, тянет железяку, вложенную в лошадиный рот, греет вожжами... Потом запрягает лошадь в санки и снова мчится куда-то – под ту же мать-перемать, под лихие восклицания. Малышня, невесть откуда набежавшая, покорно стоит в сторонке и смотрит... А я все думаю: с самим Шуриком или с его младшим братом довелось встретиться на узкой дорожке? Черт его знает – и этот за подростка сойдет, такие же волосы, как соломенная крыша на хате, такое же мужицкое лицо, на котором ни одной миловидной черты. Ну а уж пьяный взгляд...

Откуда это его желание бить спяну свою задницу на спине скакуна без седла? Откуда это желание задираться? После всей процедуры, приняв стакан водки почти без закуски, Шурик что-то рассказывает

мужикам – взхлеб, уверенно, таким тоном, будто все здесь собрались только для того, чтобы послушать историю его подвигов.

Да вот ты как на ладони! Не дала тебе природа ни ума, ни умелых рук, обделила людским уважением. И осталось тебе любым способом: хоть костями, хоть соплями, – но доказывать всем, что и ты чего-то знаешь, что и с тобой должны считаться. Не это ли простейший пример того, как человек может стать обыкновенным садистом и отомстить обществу за свои заслуженные и незаслуженные неудачи...

И снова о Шурике. Рассказ Коли (лет 55, мужик толковый, но почему-то работает скотником) о том, как из-под носа увели у него колхозного коня. Ждал до двух часов ночи. Услышал топот, затаился в конюшне. А когда конь приблизился, то огрел деревянным брусом всадника... Это и был Шурик, который потом подрядился воровать уздечки (сосед, слушавший эту байку, усмехнулся: «Вот и я у него купил!»). Шурика скоро посадили за кражу комбикорма – его и еще пять человек.

Умер весельчак Саша – мужчина лет пятидесяти, невысокого роста, упорный, работающий. Завидев со двора на улице очередную жертву, он матерком «подкалывал», подначивал ее, прежде чем попросить закурить. И вообще на каждое слово у него была готова прибаутка (половина слов – матерщина).

Сын у него умер года три назад – разнесло его напоследок, был шофером – еле в кабину ЗИЛа влезал. Вот Саша взял на себя и хозяйство сына – как говорят, в сумме набралось пять огородов, а еще работа в колхозе.

Не помню точно, но видел его в последний раз на уборке картошки. Как всегда, в матерчатой засаленной кепке, в застиранной, почти без пуговиц рубашке навывпуск, в тапках... Так уходился за сохой, что на шутки у него уже не оставалось сил.

Мы ехали на телеге с полными мешками прямо через двор его дачи («прихватизировал» заброшенную усадьбу). Саша оскалил зубы, чтобы выругаться, но вдруг вспомнил о чем-то, повернулся и пошел в пустой дом...

Год спустя я увидел на его огороде мужичка, который так же, как прежний хозяин, терзал землю тяпкой. Со спины и не отличишь от покойника. Все вечно и неизменно...

В осенний прозрачный день не смолкает крик-взбудораженных грачей. Одни роятся в свежеразбросанных грядках, другие насели на поредевшую вербу. Ну а уж третьи... Кружат в небе невесомой спиралью, закручивая какую-то воронью вавилонову башню. Выше, выше... Как частицы пепла в яркой синеве, как мошара – от высоты дух захватывает. И вдруг спираль распадается – каждый парит, куда желается. Полета вольное упорство...

Вечером грачи снова кружат прямо одеялом каркающим над старым парком... А небо темнее: оранжевая, красная краски подливаются в синеву. И вот уже полный мрак лесной дороги, огоньки в окнах, фары грузовиков и придорожная пыль. Осенний холодок и непривычная после лета темень. Пронзительная мысль: в такой же осенний день в эту деревню вошли немцы...

У бабки, которая покупает в сельмаге раскладушку, народ спрашивает: «Ай от деда отдельно спать будешь?» Тотальное внимание, давление хаотичное, но в конечном счете целенаправленное. Все это в целом воспитывает типы.

Загнанный. Коняга. Попахал – выпил (в разных пропорциях). Следы деградации на лице.

Плут. Мог бы со своей хитростью стать богатым и сильным. Но ему дорого положение в простоте. Деньги лучше проест или купит безделицы, зато будет своим парнем, балагуром.

Босс. Его приметы – крепок, богат родней, работает шофером или начальником средней руки. Как громадный муравей, внаглую волочит все колхозное в свой крепкий дом, в обширный двор. Знает себе цену, уверен, что в конечном счете придут к нему с поклоном и просьбой.

Интеллигент. Самый забитый тип. Его как раз вспоминают почтенные отцы семейств, предупреждая детей: «Не будьте такими заумными».

Странные люди встречаются в сельских обществах. То совсем еще юный парень, но в страшной одежде (минимум двадцатилетней давности фасон, с чужого плеча). Можно только догадаться, что из семьи, где родители либо умерли, либо совсем забыли о нем. Да и он своими манерами подобен бродяге.

Или опять же подвыпивший парень: мужик не мужик, едет с бабой (лет на 10 – 15 старше его) к родне на выходной. Можно бы и не догадаться, что их связывает. Да уж сама «молодая» так и льнет, так и щебечет ему какую-то чушь, разыгрывая из себя наивную простушку...

1994

Баба Таня 1922 года рождения. Одинока – живет с сестрой. Говорит, что о довоенной жизни ничего не помнит. А может быть, уже привыкла не вспоминать. В деревне была не из последних – в конце тридцатых годов поступила в учетно-кредитный техникум в Орле. А его неожиданно перевели в захолустный Севск. Добирались туда кое-как, жили в бывшем монастыре впроголодь, больше думали об учебе. В июне 1941 года ребят (она особо, как мне показалось, произнесла это слово) забрали в армию, девчат отправили по домам.

В оккупации «была дома» – стандартная, заученная когда-то формулировка на все случаи жизни. С сентября 1943 года – почтальон. Года через два ей посоветовали учиться – поступила в Смоленский техникум связи, стала начальником отделения. Было тогда четыре почтальона, почту в райцентр возили ежедневно. А теперь – только через день, нет бензина, но мы-то на лошадях возили, – то ли с сожалением, то ли с завистью говорит она. Была награждена орденом («А что он теперь?» – сама же задает вопрос).

Отец был из бедняков, изба была плохонькая, курная, земли мало. Еще мальчишкой начал работать в барском имении. Графы, говорит баба Таня, были добрые. Если попросишь помощи, ржи давали. Заботились о парке и пруде – мальчишкам запрещали ловить рыбу. Помещиков, по ее словам, раскулачили – и они с обиды уехали, больше не появлялись. Церковь почти не помнит: когда закрывали, из нее несли кто что мог. У бабушки была икона с золотым окладом. Сгорела вместе с хатой. И барский дом разграбили. Потом там сделали общежитие.

Типичное воспоминание старухи-крестьянки о барине: «Добрый был. Когда у нас хлеба не было, всегда давал. И денег не требовал, просто говорил: отработаешь потом». В принципе, это отражение крестьянского представления о начальстве: кусок хлеба дает, денег не требует, отработку откладывает на потом. Это, кстати, и урок на будущее. Задумываются ли сегодняшние, как их будут вспоминать?

По-прежнему председатель – надсмотрщик. Без него бы разволокли все на свете. Трактор без двигателя. Для того и нужен колхоз, иначе откуда тащить? Высшая мера социальной защиты.

Деньги в крестьянской жизни. На селе считается зазорным брать деньги или просить их за услугу, за работу. Универсальна бутылка водки (самогона и проч.) или кратчайший способ обмена денег на бутылку. Это создает комичные ситуации: можно вкалывать целый день за бутылку, а можно получить ее за раз плюнуть (примеров масса). Кто в выигрыше? Тот, кто меньше работает, больше нанимает (у кого бутылка не «за раз плюнуть», а за оптовый объем). В проигрыше – люмпены и немощные старики, им приходится платить за все.

В конечном счете деньги на руки получает тот, кто реализует свою продукцию на внешнем (вне села) рынке. Это не зазорно - драть деньги с чужих (вне общины). В самом же селе это порицается. И надо быть достаточно изворотливым и хитрым, чтобы в отсутствие товарно-денежных отношений не остаться у разбитого корыта, соблюдая все неписанные обычаи сельского мира.

Отсюда – странное отношение русского человека к деньгам. Это для него либо принуждение (платить налоги, покупать детям обувь и т. д.), либо полнейшая блажь – кутить, сорить. Нет восприятия денег как капитала, как производительной силы (тем более, что советская власть начисто это запретила).

Дети на уроках прививают яблоньки, а сельские жители, увидев, что прививки принялись, тайком выкапывают деревца из школьного сада и сажают у себя. Вместо того, чтобы вместе с учителем наладить питомник, они предпочитают тайком обкрадывать детей...

Костя Митрофанов, мужик лет под 50, в отпуску и сам себе хозяин. Он крепко выпил после того, как своим замечательным самодельным плужком и на своей лошади вспахал огород у свата. Полное счастье в этот ранний вечерний час на весенней земле.